

представляет оную въ видѣ стройнаго и храбраго войска (см. Иоил. I, 6 и II, 2—11). Частныя черты, какими саранча изображается далѣ въ самомъ Апокалипсисѣ, даютъ общую мысль также о воинственномъ характерѣ и видѣ этой саранчи: *подобна конемъ уготованнымъ на брань... имѣяшу броня, яко броня желѣзны* и проч. (ст. 7—10). И дѣйствительно, изъ наблюдений надъ появлявшеюся по временамъ и по мѣстамъ саранчею извѣстно, что она въ своихъ движеніяхъ стадами или большими массаами, держится воински - стройнаго порядка, и слѣдуетъ указанію своихъ вождей, хотя и не имѣетъ одной матки или царя для всей своей совокупности. ⁽¹⁾ Изъ всего этого открывается, что символическими пругами или саранчею должна быть такая составная часть государства, которой свойственны военный порядокъ,—или дисциплина и характеръ войска; такая часть въ составѣ государства и есть воинство во всѣхъ своихъ отдѣлахъ. Эта составная часть государства, подвинутая дымомъ легкомысленнаго омраченія страстями; и имѣла содѣлаться, по видѣнію Іоанна,—губительною для Римскаго государства саранчею. На кого же или на что въ государствѣ должно простираться губительное дѣйствіе воинственной саранчи, это видно изъ слѣдующаго: *и дана бысть имъ область, якоже и мрутъ область скорпіи земнии.* Это говоритъ Тайнозритель въ объясненіе того, почему видѣнная имъ саранча назначалась вредить не растеніямъ, которыя губить обыкновенная саранча, а людямъ, уязвляя ихъ подобно ядовитымъ скорпіонамъ: *И речено бысть имъ, да не вредятъ травы земныя, ни всякаго злака, ни всякаго древа, но человеки точію, иже не имутъ печати Божіей на члѣтахъ своихъ.*—Подъ травую и деревьями разумѣются, какъ извѣстно уже намъ, разныя отрасли государственнаго устройства, какъ то: законы, учрежденія, порядокъ правительственный и тому подобное. *Печатію Божіею* запечатлѣвались (какъ знаемъ

¹⁾ Смотри Исторію безсловесныхъ животныхъ. 1803 г. Москва ч. III. стр. 58—59. „Объявляеть Куспиніанъ о нѣкоторыхъ въ лѣто 874 бывшихъ (пругахъ), которыхъ вожди съ немногимъ числомъ... летали.“ И далѣ: „говоритъ Іеронимъ (въ толкованіи на гл. 2 Іоуила пророка), что въ недавные годы въ великомъ множествѣ саранча пролетала... и съ такимъ порядкомъ по распоряженію Повелителя Бога летали, что... ни на пунктъ одна часть къ другой не приближалась.“

изъ 7 гл. 2 и 3 ст.) собственно христiане; слѣдовательно чело-
вѣки, не имѣющіе этой печати, суть всѣ невѣрующіе въ
языческой Имперіи, или все гражданское общество язычни-
ковъ,¹⁾ т. е. безразлично какъ власти, такъ и подвластные.
Итакъ Римскія войска, дымомъ безпорядочнаго и омрачен-
наго броженія умовъ, превращаемыя въ губительную саранчу
для государства, имѣли оставить въ неприкосновенной цѣ-
лости всѣ отрасли государственнаго устройства. Они своими
безпорядками должны были уязвлять и мучить, подобно
скорпионамъ, только самое народонаселеніе язычниковъ
какъ властелиновъ, такъ и подвластныхъ.

Въ чемъ состоитъ губительное для язычниковъ дѣйствіе
этой саранчи государственной.—показано въ слѣдующихъ
словахъ: *и дано бысть имъ, да не убіютъ ихъ, но да мучу при-
имутъ пять мѣсяцей, и мученія ихъ яко мученіе скорпиено-
егда уязвѣтъ челоуѣка. И въ тѣя дни възвѣщутъ челоуѣки
смерти и не обрящутъ ея: и возжелѣютъ црпени, и цѣбжитъ
отъ нихъ смерть.*—Саранча, какъ видѣли мы, имѣетъ значе-
ніе не собственное; посему власть скорпионовъ, имъ усвоен-
ная, имѣетъ также смыслъ иносказательный. Отсюда видно,
что и этотъ видъ мученія людей, происходящаго отъ скор-
пионнаго уязвленія саранчи, надобно понимать также не
буквально, а какъ метафорическое изображеніе мучитель-
наго состоянія караемыхъ язычниковъ Римской Имперіи.
Страдательное состояніе уязвленныхъ скорпионами, пося-
щими въ своихъ жалахъ не смертельный ядъ, дѣйствительно,
таковъ, что они находятся въ ужасномъ положеніи, отъ ко-
торого желали бы поскорѣ умереть, но между тѣмъ остаются
живы и продолжаютъ страдать. Такое зрѣлище, по отноше-
нію къ политическому состоянію язычниковъ Римской Им-
періи, есть выразительнѣйшее изображеніе столь великихъ
страданій для властей и подвластныхъ, которыя переносятъ
тяжелѣе, нежели пережить даже окончаніе самостоятельной
жизни государства, отъ которыхъ, однако, государство не па-
детъ,—въ которыхъ власти и подвластные сохраняютъ поли-
тическую жизнь, сколь ни будетъ она бѣдственна и плачевна.
И такія страданія всего языческаго народонаселенія Имперіи
будутъ причинены именно губительными дѣйствіями госу-

¹⁾ О казняхъ Іудеевъ сказано въ отдѣльности выше въ гл. 6.

дарственной саранчи или Римскихъ войскъ. *Да мужу приимуть пять мѣсяцевъ*: это опредѣленное число времени, въ продолженіе котораго язычники будутъ подь указанною карою, показываеъ, что Самъ Господь съ точностію опредѣляетъ времена и лѣта грядущихъ событій. Но мы должны помнитъ Его же слово: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отець положи во своей власти*, и потому не станемъ доискиваться ключа къ разрѣшенію точнаго значенія Апокалипсическихъ чиселъ. Изъ того, что государственная жизнь въ разсматриваемомъ мѣстѣ берется въ образѣ личной жизни человѣковъ, можемъ только сказать слѣдующее объ означенныхъ пяти мѣсяцахъ: сколько по отношенію къ продолженію личной жизни человѣческой составляютъ пять мѣсяцевъ, столько по отношенію къ государственной жизни Имперіи продолжатся и показанныя бѣдствія язычниковъ. Или: страдательное состояніе организма языческой Имперіи будетъ подобно пятимѣсячному томленію человѣка, угрызеннаго скорпіономъ, продолженіе времени по отношенію къ цѣлой жизни довольно не великое, а по отношенію къ самой болѣзненности—очень не малое!

Таково явленіе и дѣйствіе казни! Наконецъ обстоятельно изображаются орудія къ произведенію этой казни: *и уподобленіе пруговъ подобно конемъ уготованнымъ на брань: и на главахъ ихъ яко вѣнцы уподоблены злату, и лица ихъ, яко лица человѣчески. И имѣяху власы, яко власы женскія, и зубы ихъ яко львовъ быша: и имѣяху броня, яко броня желѣзны, и глазь криль ихъ, яко глазь колесницъ, егда кони многи текутъ на брань. Имѣяху ошчибы (хвосты) подобны скорпіинымъ и жала бяху въ ошчахъ ихъ; и дана бѣ область имъ вредити чловѣки пять мѣсяць. И имѣли надъ собою царя аггела бездны емуже имя Еврейски Аввадонъ, а Еллински Аполліонъ*. Общее значеніе этихъ воинственныхъ пруговъ или саранчи уже показано: это суть войска Имперіи. Отсюда удобно изъясняются и всѣ частныя черты этой государственной саранчи.

Уподобленіе пруговъ подобно конемъ, уготованнымъ на брань. Конница составляла въ древности особенно могущественную и надежную часть войска; бранные кони, еще по свидѣтельству книги Іова, отличались дикимъ безстрашіемъ. Итакъ по отношенію къ Римскому войску, уподобленіе саранчи браннымъ конямъ указываетъ на чрезвычайное могущество

и безстрашіе этого войска. *И на главахъ ихъ яко вѣнцы упо-
доблены злату.* Вѣнецъ есть символъ если не царской власти,
то побѣды и славы. По отношенію къ арміямъ Римскимъ,
это есть указаніе на то, что онѣ еще будутъ слыть побѣдо-
носными и блистать своею славою. *И лица ихъ яко лица чело-
вѣческа.* Человѣками, въ отношеніи къ воинственной саранчѣ
названо выше (4 ст.) все прочее народонаселеніе Имперіи, все
государственное общество язычниковъ; посему челоуѣческія
лица у государственной саранчи показываютъ, что войска
отчасти утратятъ свой грозный, исключительно имъ свой-
ственный характеръ и стануть усвоять приличія и нравы
мирныхъ гражданъ. *Имѣяху власы, яко власы женскія.* Жено-
образный видъ волосъ, безчестный и вообще для мужчинъ
(1 Кор XI, 14), по отношенію къ воинамъ есть знакъ постыд-
ной ихъ изнѣженности. *И зубы ихъ яко львовѣ бѣша.* Зубы
звѣря есть орудіе, которымъ онъ схватываетъ и терзаетъ
свою добычу; левъ между всѣми звѣрями есть царь,
превосходящій другихъ звѣрей грозною силою.—Итакъ по
отношенію къ войску, *зубы яко львовы* составляютъ признакъ
того, что при всей наклонности къ приличіямъ мирной
жизни и даже къ изнѣженности, Римскіе воины окажутся
грозными подобно лвамъ, когда дѣло пойдетъ объ ихъ до-
бычѣ или выгодахъ. *И имѣяху броня (латы) яко броня же-
лѣзны:* принадлежность крѣпкаго вооруженія, служащаго къ
защитенію воиновъ отъ вражнихъ стрѣлъ. Видно, что Рим-
скія войска, львовымъ образомъ восхищая добычу своихъ
выгодъ, въ то же время будутъ обезопасены отъ всякаго имъ
сопротивленія. *Имѣяху ошпы, т. е. хвосты, подобны скорпі-
нымъ, и жала бяху во ошпахъ ихъ, и дана бѣ область имъ
вредити челоуѣки пять мѣсяць.* О продолженіи насилія со сто-
роны войска на пять мѣсяцевъ уже сказано выше. Теперь
снова повторилъ Тайнозритель о семъ, надобно думать, для
указанія на то, что въ продолженіе всего означеннаго вре-
мени, раскрытое выше страдальческое состояніе государства
будетъ происходить не отъ львиныхъ зубовъ, а отъ скорпі-
онова жала хвостовъ воинственной саранчи. Видно, что Рим-
скія войска прямою цѣлію своихъ насилій будутъ имѣть не
болѣе, какъ преслѣдованіе добычи собственныхъ выгодъ, а
не причиненіе вреда другимъ сословіямъ и властямъ госу-
дарства; а вредъ прочимъ сословіямъ и властей Имперіи бу-

деть только уже неизбежнымъ послѣдствіемъ такихъ безпорядочныхъ движеній войска. И такимъ образомъ хотя у сей саранчи спереди будутъ зубы яко львовы, но томленіе людей будетъ дѣйствіемъ жала въ ея хвостахъ, влекущихся у нея сзади.—Послѣдняя и особенная значительная черта этой государственной саранчи слѣдующая: *и имѣти надъ собою царя аггела бездны, егѳже имя Еврейски Аввадонъ, а Еллински Аполліонъ.*—русское значеніе этого имени *губитель*. Саранча не имѣетъ изъ среды своей матки, и потому эти пруги справедливо могутъ быть названы безцарными. Тайнозритель видѣлъ, что и государственная саранча чужда подчиненія земнымъ властямъ, управляясь прямо державою адекой тьмы. Итакъ видно, что имѣвшія терзать государство войска Римскія будутъ водиться духомъ мятежнаго самоуправства, вдыаемымъ отъ адскаго духа *губителя*, и такимъ образомъ будетъ подчиняться царственной власти только этого мятежнаго губителя.

Представимъ теперь общій смыслъ всего видѣнія, которое уже изъяснено во всѣхъ частяхъ своихъ.

По незримоу для земли, но тѣмъ не менѣе дѣйствительному и могущественно-дѣйственному распоряженію Ангела,—пятого въ числѣ безплотныхъ Служителей суда Божія надъ язычниками, имѣла открыться особенно мучительная казнь надъ язычествующею Имперіей Римской. По поводу примѣненія къ государственному порядку вещей одной свѣтлой, повидимому, идеи, которая притомъ занесена въ среду язычества съ горней области христіанства, адскими силами будутъ воспламеняемы страсти въ государствѣ;—отъ сего возникнетъ легкомысленное и мрачное броженіе умовъ, которымъ затмятся всѣ внушенія долга и всякій свѣтлый взглядъ на вещи; а въ нѣдрахъ государства окажутся опасные и жестокіе враги самого государства. Это—собственныя войска Имперіи, подобно саранчѣ многочисленныя. Они своими губительными дѣйствіями не погубятъ, правда, ни одной отрасли государственнаго устройства; но тѣмъ не менѣе причинятъ всѣмъ язычествующимъ сословіямъ и властямъ Имперіи такія тяжкія бѣдствія и мучительныя тревоги, которыхъ сносѣе было бы бѣдствіе самой даже утраты самостоятельной жизни государства, но отъ которыхъ государство отнюдь не лишится своей самостоятельности.—

На такомъ поприщѣ губительныхъ для Имперіи дѣйствій, Римскія войска окажутся неистово готовыми къ бранямъ и даже побѣдоносными въ браняхъ. При склонности къ мирной гражданской жизни и даже къ извѣженности, они однако какъ львы будутъ преслѣдовать добычу собственныхъ выгодъ,—твердые противъ сопротивленій и грозные своими движеніями. Впрочемъ всѣ показанныя выше бѣдствія сословій и властей государства будутъ только неизбѣжнымъ послѣдствіемъ безпокойныхъ движеній войскъ, а отнюдь не прямою ихъ цѣлю. Наконецъ, характеромъ и направленіемъ ихъ будетъ мятежное самоуправство, не знающее въ государствѣ верховной надъ собою власти, такъ что царемъ надъ ними будетъ собственно адскій духъ губитель, вдыхающій мятежныя расположенія и самоуправства.

Такой смыслъ разсмотрѣннаго отдѣленія Апокалипсиса окончательно раскроется и вполнѣ оправдается самыми событіями.

По смерти Коммода, погибшаго отъ немногихъ заговорщиковъ, преемствовалъ ему Пертинаксъ, хотя назначенный заговорщиками, но согласно и добровольно принятый сначала войскомъ, потомъ Сенатомъ. Онъ хотѣлъ править по примѣру предшествовавшихъ Коммоду доблестныхъ государей, и казалось, обѣщаль Римской Имперіи возвращеніе счастливаго времени Антониновъ. Государственныя его правила и направленіе представляли совершенный контрастъ съ легкомысліемъ и страстію къ удовольствіямъ его предшественника; не трудно догадаться, что эта нравственная суровость, какъ и вообще идея возрожденнаго стоицизма попала въ государственную область язычества, будучи похищена или случайно занесена отъ строгихъ нравовъ и образа мыслей христіанъ. Но эта звѣзда, спадшая съ неба на землю, и открыла источникъ ихъ бездны. Возбудилась противъ Императора ненависть войска. Оно дважды пыталось провозгласить на мѣсто его другого Императора, и оба раза не имѣло успѣха. Но эти неудачи только болѣе раздражили солдатъ. Наконецъ они подняли открытый бунтъ. Нѣсколько сотъ самыхъ дерзкихъ и неистовыхъ съ обнаженными мечами бросились во дворецъ.—Чувство долга, на минуту озарившее было мятежныхъ при взглядѣ на твердый и мужественный видъ Императора-старца, немедленно омрачилось дымомъ отъ раз-

гара страстей. Императоръ былъ убитъ. „Отрубленная голова Пертинакса, на копѣ несенная убійцами по городскимъ улицамъ въ лагерь, говоритъ историкъ (Лоренцъ), возвѣстила Римлянамъ начало военнаго деспотизма. Городъ пришелъ въ такой ужасъ, что преторіанцы сдѣлались совершенными господами Имперіи, и, пользуясь сею властію, вознамѣрились продать императорское достоинство тому, кто больше дастъ. Дидій Юліанъ купилъ его“. Но тогда какъ въ Римѣ продали императорское достоинство за деньги, при извѣстїи о семъ въ провинціяхъ три арміи (Иллирійская, Сирійская и Британская) провозгласили Императорами своихъ военачальниковъ. Открылся рядъ междоусобныхъ войнъ. Когда наконецъ одинъ изъ сихъ четырехъ совмѣстниковъ одержалъ надъ прочими верхъ (Септимій Северъ), то онъ, въ другихъ отношеніяхъ благоразумный и строгій, самъ поставлялъ себя въ зависимость отъ солдатъ, давая имъ разныя преимущества и на непокорность ихъ, многократно испытываемую, отвѣчалъ снисхожденіемъ и подарками. Такъ, по предначертанію Божественному, давалась этой гибельной саранчѣ и власть вредить государству! Даже на одрѣ смертномъ сей государь дѣлалъ завѣщаніе своимъ сыновьямъ, чтобы они „обогащали солдатъ, а никого изъ другихъ не боялись“ (Діон. Кассій Гіст. LXXVI сар. 15). Военный деспотизмъ упрочился,— зато даже выпсія изъ гражданскихъ властей теряли значеніе, какъ даже Сенатъ, къ которому тотъ же Императоръ, потакавшій войску, имѣлъ совершенное презрѣніе. Между тѣмъ, когда одинъ изъ его сыновей убилъ другого, то преторіанскія войска, принявъ большой подарокъ отъ братоубійцы, склонились на его сторону. И, опираясь на этихъ защитниковъ, Каракалла казнилъ до 20 тысячъ приверженцевъ умерщвленнаго имъ брата; впоследствии раздраженный насмѣшками, распространившимися насчетъ его изъ Александріи, онъ велѣлъ безъ разбора перебить всѣхъ жителей этого города. Впрочемъ и самъ этотъ Императоръ погибъ отъ руки убійцы—одного изъ военныхъ. Войска выбрали для государства новаго Императора (Опелія Макрина), но купивъ миръ у варваровъ, грозившихъ нападеніемъ на Имперію, онъ внушилъ своимъ солдатамъ презрѣніе къ себѣ, а стремленіемъ къ преобразованіямъ возбудилъ ихъ ненависть. Войска противопоставили Императору новаго из-

браница необузданнаго ихъ своеволія и корыстолюбія: — это былъ чудовище Геліогабалъ, который, по умерщвленіи прежняго Императора, началъ вести жизнь, безпримѣрную въ исторіи по суевѣрію, сладострастію и жестокости. Собственно дѣлами правленія занимались женщины: мать и бабушка Императора получили мѣсто и голосъ въ Сенатѣ, который безъ прекословія покорился этому новому и величайшему униженію, какое только онъ испыталъ со времени своего существованія". Солдаты убили и это, возведенное ими самими на престолъ чудовище (Геліогабала), чтобы сохранить жизнь и предоставить императорское достоинство любимому ими Александру Северу. Воспитанный въ правилахъ чистой нравственности (христіанской), новый Императоръ слѣдовалъ имъ и въ правленіи. Его дѣятельность была особенно направлена къ тому, чтобы загладить всѣ слѣды предшествовавшаго правленія, и замѣнить достойнѣйшими мужами всѣхъ возвышенныхъ тогда ничтожныхъ людей. Это обѣщало государству благоденствіе на долгое время; но, продолжаетъ Исторія (Лоренца), юный Императоръ не имѣлъ довольно энергіи, чтобы пріобрѣсть прочный авторитетъ противъ владычества солдатъ. Замѣчательны совершившіяся при немъ самомъ Императорѣ нѣкоторыя происшествія, изъ которыхъ можно видѣть всю гибельность тиранніи войска какъ надъ народомъ, такъ и надъ властями, и даже надъ самимъ Императоромъ. Александръ возвелъ на высокую гражданскую и военачальственную степень одного достойнаго мужа (Ульпіана). И если государственному чиновнику стоило только быть другомъ законовъ и защитникомъ народа, чтобы считаться противникомъ интересовъ войска. Противъ него открылся страшный мятежъ. Граждане защищали жизнь его; но солдаты начали жечь у нихъ дома. Ульпіанъ искалъ спасенія во дворцѣ у ногъ Императора. Но напрасно Императоръ покрывалъ его своею порфирію и противопоставлялъ ихъ ярости свою власть и просьбы; только смерть Ульпіана могла ихъ успокоить. Правительство въ отношеніи къ солдатамъ было такъ слабо, что не дерзнуло тотчасъ судить и казнить главныхъ виновниковъ мятежа, но сдѣлано это уже впоследствии, и то со многими предосторожностями. Впоследствии и самъ Императоръ погибъ отъ этой же государственной саранчи: за уклоненіе Александра отъ

военныхъ опасностей и трудовъ солдаты потеряли къ нему уваженіе: а за отказъ въ нѣкоторыхъ ихъ требованіяхъ возмутились противъ него, и избрали новаго Императора—грубаго варвара Максимиана.—Послѣ насильственной смерти Александра и его достойной матери открылось всеобщее недовольство новымъ Императоромъ, явились трое или болѣе совмѣстниковъ ему, и отсюда произошли междоусобія... „Римъ,—говоритъ Лоренцъ—можетъ быть, во все время своего долгаго существованія не былъ свидѣтелемъ такихъ ужасныхъ событій, какія предшествовали низверженію Максимиана и слѣдовали за нимъ“. Войска, по умерщвленіи другихъ совмѣстниковъ престола, провозгласили Императоромъ, наконецъ, одного—тридцатилѣтняго Гордіана... Такъ быстро, безъ разбора солдаты избирали и низвергали хорошихъ и дурныхъ государей, слушая своихъ страстей и выгодъ и нисколько не обращая вниманія на общественное благо. Въ такихъ обстоятельствахъ, продолжавшихся до пятидесяти лѣтъ, когда безцарная воинственная саранча, двигаясь только царемъ-губителемъ изъ бѣсовскаго міра, играла судьбою, выборомъ и погибелью царей безъ всякаго состраданія къ страждущей Имперіи, преобладая насъ всѣми ея сословіями,—общественная жизнь была, дѣйствительно, болѣе въ мучительныхъ пыткахъ, нежели какія бывають со стороны преобладающихъ внѣшнихъ враговъ, или даже при прекращеніи независимой жизни и самостоятельности того или другого государства. И однако Римская Имперія устояла; внутреннее государственное устройство не только не распалось, но получило еще то добавленіе къ прочимъ своимъ отраслямъ, что права римскаго гражданства распространились на всѣ провинціи ¹⁾. И преемникъ послѣдняго изъ императоровъ, выше указанныхъ, Юлій Филиппъ съ необыкновеннымъ торжествомъ и великолѣпіемъ праздновалъ тысячелѣтіе Рима. „Этотъ народъ воиновъ и законодателей, говоритъ Лоренцъ о Римлянахъ, изображая помянутое ихъ торжество,—народъ, состоявшій нѣкогда изъ 35 трибъ, теперь разлился на милліоны покоренныхъ его оружіемъ народовъ, и армія, составляемая изъ наемниковъ всѣхъ націй, своимъ выборомъ давала ему повелителей“.

¹⁾ Это послѣдовало при Каракаллѣ.

Въ характерѣ арміи, тиранствовавшей надъ Имперіей, рѣзко отпечатлѣны всѣ черты Апокалипсической саранчи. Когда легіоны и выбирали, и низвергали Императоровъ, какъ хотѣли, то ясно, что, они имѣли власть надъ земными царями, а сами покорялись только аггелу бездны, возбуждавшему ихъ страсти. Они какъ львы преслѣдовали добычу своихъ интересовъ; но вредъ происходившій отъ своевольной и быстрой смѣны Императоровъ былъ уже послѣдствіемъ такихъ ихъ поступковъ, а отнюдь не прямою цѣлю оныхъ. Ибо случалось, что сами же солдаты живо раскаивались въ умерщвленіи одного государя (напр. это было по убіеніи Ал. Севера), или видѣли и признавали недостойнство и жестокости другого, ими избраннаго (такъ было въ отношеніи къ Геліогабалу и Максимиனு). Итакъ мученіе государства происходило отъ дѣйствія жала въ хвостахъ сей саранчи влѣдствіе ихъ беспорядковъ, а не отъ львиныхъ ея зубовъ. О томъ, что слава побѣдоноснаго мужества сильно кружила головы Римскихъ солдатъ, когда они располагали императорскимъ престоломъ, свидѣтельствуемъ какъ пренебреженіе къ тѣмъ государямъ, которые не дѣлили съ ними воинскихъ опасностей и которыхъ они низвергали съ престола, такъ и уваженіе къ воинскимъ доблестямъ, по которымъ они или возводили на престоль (напр. Максимиана), или защищали на престолѣ своихъ любимцевъ (напр. Септимія Севера). О грозномъ вооруженіи и потрясающихъ движеніяхъ Римскихъ легіоновъ излишне и говорить. О склонности войска къ пріятностямъ и обычаямъ мирной жизни, объ утратѣ строгаго духа и замѣненіи его изнѣженностію свидѣлствуютъ такія слова одного историка о Септиміѣ Северѣ, утверждавшемъ военный деспотизмъ: „онъ первый увеличилъ жалованіе воиновъ, позволилъ имъ носить золотыя кольца и жениться. Все это почиталось несвойственнымъ военной дисциплинѣ, бодрости и готовности къ войнѣ. Онъ же первый подорвалъ всю простоту и суровость ихъ образа жизни, готовность къ трудамъ и военную дисциплину съ уваженіемъ къ начальству“.—

Такъ точно, по Апокалипсическому изображенію, совершилось это подлинно великое горе для Имперіи!

Горе едино отыде: се грядутъ еще два гора по силѣ: такъ заключаетъ св. Апостоль Іоаннъ изображеніе разсмотрѣнной

нами казни язычества, и переходит къ раскрытію новой. Такой образъ выраженія: „Горе прошло, вотъ идутъ еще два“... и проч. показываетъ, что предшествовавшее горе какъ бы настигается послѣдующими. И въ самомъ дѣлѣ, уже при концѣ послѣднихъ изъ указанныхъ выше безпорядковъ, происшедшихъ отъ своеволія войска (послѣ Максимиана, въ началѣ Гордіанова правленія) началось общественное бѣдствіе совершенно другого характера и рода — опустошеніе областей Имперіи варварами ¹⁾, отчего самая тираннія войска или подавлялась, или получала новый характеръ и направленіе.

Но обратимся къ Апокалипсическому изображенію и этого новаго горя, предварившему Исторію точнымъ указаніемъ событія.

И шестой Ангелъ вострубил... Приступая къ изъясненію Апокалипсическаго горя для язычниковъ, предназначаемаго трубнымъ гласомъ шестого Ангела, предварительно замѣтимъ, что окончаніе этого горя указано въ Апокалипсисѣ уже послѣ нѣсколькихъ поразительныхъ видѣній, занимающихъ около двухъ главъ въ книгѣ (IX, 13—XI, 14). Отсюда открывается, что не только первое, слѣдующее за трубнымъ гласомъ шестого Ангела, явленіе губительныхъ силъ (IX, 13—19), но и прочія видѣнія до окончанія второго горя (XI, 14) находятся въ связи съ погибельною судьбою осужденнаго язычества. Но съ другой стороны нельзя не примѣтить, что изъ сихъ видѣній, относящихся ко второму горю, изображенное въ 10-й гл. видѣніе составляетъ нѣкоторое вступленіе Тайнозрителя въ новый рядъ Апокалипсическихъ откровеній, о чемъ сказано было прямо Іоанну (ст. 11): *подобаетъ ти паки пророчествовати въ людехъ и племенехъ, и во языцехъ и въ царствехъ многехъ*. Въ явленіяхъ же, описываемыхъ далѣе (въ 11 гл. до 14 ст.), Церковь дѣйствительно открывается уже въ новыхъ отношеніяхъ къ враждебнымъ язычникамъ; и именно она является уже не гонимую язычниками, какъ прежде (см. VII, 14), напротивъ, могущественною и чрезъ своихъ чрезвычайныхъ слугителей карающею враговъ своихъ (ст. 5—6). Итакъ не теряя изъ виду связи видѣній,

¹⁾ При Гордіанѣ Персы опустошили Месопотамію, Сирію до Антіохіи о чемъ ниже будетъ говорено обстоятельнѣе.

изображенныхъ послѣ настоящаго явленія (именно въ гл. XII до 14 ст.) съ судомъ надъ язычниками, мы однако должны разсматривать сіи видѣнія въ отдѣльности отъ явленія, непосредственно слѣдующаго за трубнымъ гласомъ шестого Ангела,—какъ они отдѣлены у насъ и въ общемъ обзорѣ Апокалипсическихъ видѣній ¹⁾. Будемъ только помнить, что судъ надъ язычествомъ продолжится и въ послѣдующихъ судьбахъ міра; ибо конецъ *второго горя*, теперь начинающагося, указанъ уже среди новаго рода откровеній (XI, 14 сличн X, 8—11), а *третье горе* уходитъ еще далѣе и не заканчивается до позднѣйшихъ судьбъ, открываемыхъ въ Апокалипсисѣ.

Въ видѣніи того, что ближайшимъ образомъ послѣдовало за трубнымъ гласомъ шестого Ангела,—являются губительныя силы, поражающія людей смертію (14—19), что однако не возбуждаетъ раскаянія въ тѣхъ изъ язычниковъ, которые сохранились отъ такого губительства (20—21). Губительныя силы и ихъ убійственныя дѣйствія такъ изображаются:—*И шестой Ангелъ воструби, и слышахъ гласъ единъ отъ четырехъ роговъ олтаря златаго, сущаго предъ Богомъ, глаголющій шестому Ангелу имѣющему трубу: разрѣши четыре Ангелы, связанны при рѣцѣ величій Евфратъ. И разрѣшены быша четыре Ангелы, уготованы на часъ, и день, и мѣсяць и лѣто, да избѣютъ третію часть человѣкъ. И число воиновъ конскихъ двѣ тѣмъ тѣмъ: и слышахъ число ихъ. И тако видѣхъ въ видѣніи кони, и сѣдящія на нихъ и мушкетеры броня огненны и жупельновы и жупельны (сѣрныя); и главы конскы, яко главы львовы, и изъ устъ ихъ исходило огне и дымъ и жупель сѣра). И отъ трехъ язвъ сихъ погубе третія часть человѣковъ отъ огня и отъ дыма и отъ жупела, исходящихъ изъ устъ ихъ. Область бо коженъ во устьехъ ихъ бѣ и во ошпахъ (хвостахъ) ихъ: и ошпы ихъ подобни змѣемъ и мушкетерамъ, главы, и тѣмъ пакости дѣюще (IX, 13—19). Изъяснимъ здѣсь сначала частности, сами по себѣ неудобопонятныя; потомъ изложимъ общій смыслъ всего этого видѣнія; наконецъ оправдаемъ этотъ смыслъ указаніемъ на исполненіе его въ событіяхъ.*

Гласъ, слышанный Іоанномъ съ роговъ жертвенника, принадлежитъ Владыкѣ Ангеловъ и человѣковъ, Вседержителю:

¹⁾ Смотри выше общій порядокъ Апокалипсическихъ откровеній.

ибо симъ гласомъ выражается повелѣніе одному Ангелу разрѣшить другихъ четырехъ Ангеловъ, назначенныхъ умертвить третью часть человѣковъ. *Олтарь* или *жертвенникъ, златыйъ сущій предъ Богомъ*, есть, какъ знаемъ изъ предшествующихъ изъясненій (VIII, 3—5), мысленный жертвенникъ самой спасающей насъ во Христѣ любви Божіей, на которомъ благопріемлются молитвы вѣрующихъ и съ котораго, въ соотвѣтствіе онымъ, ниспосылаются вѣрующимъ благопотребные дары. къ какимъ относится и низложеніе упорныхъ и жестокихъ враговъ вѣры. Въ разсматриваемомъ нами видѣніи представляется нисходящимъ отъ сего жертвенника именно такой даръ спасающей вѣрныхъ и грозной для враговъ любви Божіей, который состоитъ въ пораженіи Боговраждебныхъ язычниковъ: *и слышахъ гласъ единъ отъ четырехъ роговъ олтаря златаго... разрѣши четыре Ангелы... и ризрѣшеши быши... да избіють третію часть человѣковъ*, безъ сомнѣнія достойныхъ такой казни, или, какъ прямо показано далѣе (20 с.),—упорныхъ язычниковъ, *поклоняющихся семономъ и идоломъ*. Почему собственно отъ жертвенника послѣдовало Божественное опредѣленіе настоящей казни, это изъясняется отчасти тѣмъ, что язычники, осуждая христіанъ на отверженіе общественное, тѣмъ самымъ отвергли и ихъ молитвы объ общественномъ благѣ, какъ святой Діонисій Александрійскій, жившій и подвизавшійся въ это время, говоритъ объ одномъ Императорѣ (Галлг): „Онъ изгонялъ въ ссылку тѣхъ святыхъ мужей, которые молились о его спокойствіи и здравіи, слѣдовательно вмѣстѣ съ ними изгонялъ и молитвы о себѣ“ ¹⁾. И такимъ образомъ губительныя для Боговраждебныхъ силы, задерживаемыя или связуемыя молитвами святыхъ, разрѣшались для каранія язычества. Отчасти же отъ усиленія въ тогдашнее время ужаса языческихъ гоненій *до прельщенія, аще возможно, и избранныхъ*, какъ выразился тотъ же св. Діонисій объ гоненіи Деція, превосходившаго лютостію всѣхъ прежнихъ гонителей ²⁾,—всюду умерщвляемые христіане естественно тѣмъ болѣе крѣпкими воплями умоляли Господа объ избавленіи

¹⁾ Евсевій. Истор. Церк., кн. 7, гл. 1, стр. 398 по изданію въ Христіан. Чтен. 1848 г.

²⁾ Евсевій, кн. 6, гл. 41.

Церкви. И Господь, внемля симъ мольбамъ, чашу убійственной и беспощадной жестокости, пить которую заставляли язычники святыхъ и вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ,—повелѣваетъ подать самимъ язычникамъ. Такъ должно было произойти то, что съ *роговъ жертвенника золотаго, сущаго предъ Богомъ*, раздался гласъ: *разрушити четыре Ангелы*, которымъ назначено истребить третью часть Боговраждебныхъ чело-вѣковъ. *Рога* на жертвенникъ, которые устроились при этой принадлежности святилища еще въ Ветхомъ Заветѣ по образу горняго жертвенника, служатъ выразительнымъ знаменіемъ того, что любовь Божія, благопріемля жертвы и мольбы вѣры, въ то же время грозно вооружена противъ враговъ вѣры; ибо рога суть орудіе къ побранію сопротивныхъ.—Посему гласъ о разрушеніи Ангеловъ губителей и слышалъ Іоаннъ отъ *роговъ жертвенника*. *Гласъ*, выражающій Божественное опредѣленіе о разрушеніи нѣкоторыхъ четырехъ Ангеловъ, обращенъ былъ къ *Ангелу шестому* изъ безплотныхъ Служителей суда Божія надъ язычествомъ. Это значитъ, что опредѣляемая теперь кара язычеству требовала для произведенія своего не только общаго Ангельскаго распорядка земными событіями, которое выражено уже трубнымъ звукомъ, но еще нѣкотораго особаго Ангельскаго дѣйствія собственно въ духовномъ мірѣ, которое и предписывалось Божественнымъ гласомъ.

Подъ четырьмя связанными Ангелами надо разумѣть Ангеловъ въ собственномъ смыслѣ, или *духовъ*. Ибо разумѣть ихъ въ иносказательномъ смыслѣ не позволяетъ, во 1-хъ, самое названіе ихъ Ангелами, поставленное рядомъ съ подобнымъ именемъ одного изъ семи безплотныхъ Служителей суда Божія: *И шестый Ангелъ воструби, и слышахъ гласъ... глаголющій шестому Ангелу: разруши четыре Ангелы*:—во 2-хъ, и то, что второстепенныя или относящіяся къ нашему видимому міру причины губительства, порученнаго онымъ четвертымъ Ангеломъ, указаны ниже особо подъ иными образами—*огня, дыма и жутела* (18 сл. 15). Притомъ должно разумѣть здѣсь ангеловъ чело-вѣкоубійцы діавола или духовъ злыхъ: такое значеніе четырехъ Ангеловъ видно какъ изъ несвободнаго или узническаго ихъ состоянія, свойственнаго отверженнымъ духамъ, такъ и изъ порученнаго имъ дѣла—страшнаго губительства, для котораго готовыя орудія суть

человѣкоубійственныя духи. Наконецъ изъ назначенія этихъ губителей - ангеловъ истребить цѣлую треть человѣковъ, видно, что эти духи обладаютъ чрезвычайно губительною силою, и слѣдовательно между падшими духами суть одни изъ лютейшихъ и преобладающихъ надъ прочими.

Какъ эти четыре падшихъ Ангела были связаны и при томъ на опредѣленномъ мѣстѣ—*при рѣцѣ великой Евфратѣ*, объяснить это поможетъ священно-библейская, хотя и неканоническая, книга Товита. Въ этой книгѣ есть указаніе, что отогнанный отъ Рагушовой дщери *демонъ отбѣже въ вышняя Египта и связа его Ангелъ* (VIII, 3). Включенная въ составъ Библии книга не можетъ быть лживой по духу и ученію вѣры. Въ отношеніи же къ разсматриваемому нами предмету, вѣроученіе книги Товита тѣмъ достовѣрнѣе, что Самъ Господь говоритъ нѣчто подобное о состояніи духовъ, отгоняемыхъ отъ людей: *егда нечистый духъ изыдетъ отъ чловѣка, переходитъ сквозъ безводныя мѣста, ища покоя* (Матѣ. XII, 43); а что при семъ нечистые духи могутъ быть лишены свободы перемѣнять мѣстопробываніе или быть связаны на извѣстныхъ мѣстахъ, это видно изъ другого Евангельскаго мѣста: *молитва Его* (т. е. Господа І. Христа *изгнанные Имъ бѣсы*) *молитва Его много, да не пошетъ ихъ внѣ страны* (Мрк. V, 10). Книга Товита представляетъ и самый случай такого рода, что одинъ злой духъ былъ связанъ на опредѣленномъ мѣстѣ. Соображая съ симъ разсматриваемое нами мѣсто въ Апокалипсисѣ, можемъ сказать касательно четырехъ Ангеловъ, связанныхъ при Евфратѣ то, что эти лютейшіе духи уже въ прежнія времена ознаменовали себя порывами и дѣйствіями губительства надъ чловѣками, и за то, отъ Вседержителя, или непосредственно, или чрезъ святыхъ Ангеловъ хранителей чловѣчества, лишены были свободы переходить съ мѣста на мѣсто и власти губить людей. Почему они связаны именно при великой рѣкѣ Евфратѣ? При Евфратѣ былъ Вавилонъ—средоточіе Вавилонской Монархіи, которая въ свое время была почти такъ же всемірною, какъ впоследствии Римская Имперія, и такъ же, какъ эта послѣдняя, опустошала область Церкви Божіей и гнала чадъ ея за вѣру въ истиннаго Бога. Но для избавленія Церкви и въ наказаніе за вражду противъ нея держава Вавилона предана была въ добычу духамъ губительства и разрушенія (Исаи

XIII, 19—22; XLVIII, 14). И при великой рѣкѣ Евфратѣ не осталось почти и слѣда Вавилона, дерзнувшаго на противоборство съ Царствомъ Вседержителя. Около той же великой рѣки рѣшалась гибель и послѣдующихъ преобладаній надъ областью Церкви, какъ то: Персидскаго, Греко-Македонскаго и Сиро-Египетскаго. Наслѣдовавшая послѣ нихъ гражданское преобладаніе надъ Церковію, Римская Имперія доселѣ, при всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствіяхъ, сохраняла единство и цѣлость своего состава и твердо держалась своего средоточія—Рима. Видно, что духи разрушенія и губительства, свирѣпствовавшіе около Евфрата, доселѣ лишены были свободы отступить отъ этой великой рѣки и власти раскрыть свое губительство въ отношеніи къ Римской Имперіи (которой впрочемъ они уже и изъ отдаленнаго востока успѣли погрозить нѣкогда чрезъ Паряянь). Это и значить, что извѣстные Ангелы-губители были связаны при рѣкѣ Евфратѣ. Самое четверичное ихъ число указываетъ, надо полагать, на такое разрушеніе четырехъ царствъ преобладавшихъ надъ Божиимъ Царствомъ, что каждое изъ оныхъ погибло отъ особаго невидимаго вождя губительства; подобно какъ каждое изъ нихъ и предводимо было отдѣльными невидимыми князьями Боговраждебнаго язычества, — что относительно царствъ Персидскаго и Греко-Македонскаго прямо открыто пророку Даниилу (X, 13, 20).

Изъ раскрытаго, сколько нужно для насъ, значенія четырехъ Ангеловъ-губителей, такъ и узническаго ихъ положенія при великой рѣкѣ Евфратѣ, объясняется и разрѣшеніе ихъ, которое предписывалось небесному Служителю суда Божія надъ язычествующею Римскою Имперіею. Духамъ губительнымъ, которые были господствующими, хотя и сокровенными, дѣятелями разрушенія монархій Вавилонской и Персидской, распаденія Греко-Македонской и гибели Сиро-Египетскаго владычества и которые отъ того времени оставались безъ дѣйствія и свободы на самомъ поприщѣ прежняго своего владычества, попускалось теперь, и притомъ всѣмъ имъ четыремъ въ совокупности,—обратить свое губительство противъ Римской Имперіи. Такое поущеніе имѣло быть дано имъ чрезъ шестого изъ безплотныхъ и святыхъ служителей гнѣва Божія противъ Боговраждебныхъ язычниковъ: и слышашъ гласъ... глаголющій, шестому Ангелу: раз-

рѣши четыре Ангелы связаны при рѣцѣ величѣй Евфратъ. Самому губительству сихъ Ангеловъ-губителей свойственно открыться сейчасъ же, какъ они имѣли быть разрѣшены на произведеніе онаго, подобно какъ огню свойственно сожигать и потреблять вещество при первой же къ тому возможности и свободѣ. Слѣдовательно начала губительства оныхъ духовъ надобно искать именно тамъ, гдѣ они были связаны и послѣ имѣли быть разрѣшены, т. е. около Евфрата. И такимъ образомъ Апокалипсисъ назнаменовалъ и самое мѣсто, гдѣ имѣло начаться новое общественное бѣдствіе.

Также при самомъ разрѣшеніи губителей Ангеловъ положенъ предѣлъ времени и самому дѣйствию ихъ губительства: *и разрѣшены быша четыре Ангелы, уготованы на часъ, и день, и мѣсяць, и лѣто, да избѣютъ третію часть человѣкъ.* Столь точное опредѣленіе какъ времени, такъ и самаго дѣйствія или предмета губительства сихъ духовъ показываетъ, что они сами по себѣ, безъ попустительнаго мановенія Вседержителя, не могутъ сдѣлать совершенно никакого вреда Божіимъ созданіямъ. Человѣкоубійственные духи желали бы, конечно, чтобы не было и конца ихъ губительству; но имъ дается времени для губительства только по единицѣмъ извѣстныхъ періодовъ, служащихъ къ измѣренію и исчисленію времени, т. е. одинъ *часъ*, одинъ *день*, одинъ *мѣсяць*, и одно *лѣто* или *годъ*. Ангелы-губители сами по себѣ готовы были бы и съ Римской Имперіей поступить такъ же, какъ нѣкогда съ царствомъ Вавилонскимъ и прочими, указанными выше: но имъ не дозволено разрушать Имперію, а только попущено истребить *третію часть человѣковъ*.

На часъ, и день, и мѣсяць, и годъ. Такой образъ опредѣленія времени (чрезъ восхожденіе отъ меньшаго къ большому—отъ *часа* къ *году*, а не наоборотъ) и общій Апокалипсическому времени загадочный характеръ заставляютъ понимать настоящее время-исчисленіе—не въ буквальномъ смыслѣ ¹⁾. Что же значить здѣсь единица *часа, дня, мѣсяца*

¹⁾ Противъ различія здѣсь и въ другихъ мѣстахъ Апокалипсическаго времяисчисленія отъ буквально историческаго возражаютъ: „въ другихъ пророчествахъ, предсказано 70 лѣтъ Вавилонскаго плѣна, такъ и сбылось; предсказано 70 седмиць отъ Даниила до христіанства, такъ и было,—предсказано воскресеніе Христово въ третій день, и исполнилось буквально“.—Такъ. Но въ Апокалипсисѣ образъ представленія о самомъ

и года? Это есть самая краткая мѣра для исчисленія времени, какая только возможна безъ дробленія сихъ періодовъ на части. Посему, не пытаясь съ точностію разумѣть или опредѣлять *времена и лѣта*, какія *Отець Небесный* положилъ въ *Своей власти* и назначилъ по Своему Божественному измѣренію, скажемъ о значеніи *часа, дня, мѣсяца и лѣта* пока только слѣдующее: симъ опредѣляется время, вполне достаточное для совершенія опредѣленнаго губительства въ Имперіи Римской, однакоже, конечно, *избранныхъ рачи* сколько возможно сокращенное (МѠ. XXIV, 22). Раздѣленіе-же этого времени на четыре періода, начинающееся кратчайшимъ, т. е. *часомъ* и оканчивающееся продолжительнѣйшимъ, именно *годомъ*, предугадываетъ, что губительное бѣдствіе Имперіи съ продолженіемъ времени будетъ болѣе и болѣе усиливаться, и такимъ образомъ раздѣлится на четыре срока, — краткій, впоследствии болѣе продолжительный, потомъ еще продолжительнѣйшій, наконецъ самый болышій, которымъ объемлются и, такъ сказать, поглощаются предыдущіе сроки, какъ *годомъ*—*мѣсяцы, дни и часы*. составляющіе только большія или меньшія части дня. Въ отношеніи къ продолженію каждаго изъ сихъ сроковъ, которые опредѣляются и разумѣются не въ буквальномъ смыслѣ, справедливо имѣть въ виду не одно теченіе времени, но и самую степень усиленія общественнаго бѣдствія: ибо чѣмъ усиленнѣе и жесточе бѣдствіе, тѣмъ оно представляется болѣе продолжительнымъ. Дальнѣйшее, болѣе точное опредѣленіе означенныхъ сроковъ Апокалипсическаго времени дадутъ ниже самыя событія.

времени не буквально простой: вотъ въ слѣдующей главѣ Ангеломъ провозглашено, что „*времени уже не будутъ*“, а время и затѣмъ представляется продолжающимся; очевидно, что Ангельское понятіе о времени—не простое. При таинственности общаго понятія о времени не можетъ не быть запечатлѣнно тайною и опредѣленіе или исчисленіе времени. Въ притчѣ о рабахъ, ждущихъ своего господина, *первая и вторая стража* указывали современниковъ Христовыхъ на опредѣленные часы: во это время—опредѣленіе, въ смыслѣ притчи Христовой, нельзя понимать буквально. Числа *тридцать, шестьдесятъ и сто* въ притчѣ о сѣятелѣ суть, очевидно, точно опредѣленные числа, но плодородіе во сто, шестьдесятъ и тридцать все же въ смыслѣ притчи, надо понимать духовно и образно. Апокалипсическія видѣнія—болѣе или менѣе приточны и всѣ таинственны числа въ нихъ необходимо запечатлѣны тайною-же.

Да избіють третію часть чловѣковъ. Эти чловѣки принадлежатъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго (20 ст.) къ числу язычниковъ, упорныхъ въ своемъ заблужденіи и порокахъ. и, какъ видно изъ общаго хода суда Божія надъ язычествомъ, относятся къ составу Римской Имперіи, обнимавшей весь почти извѣстный тогда политическій міръ. Третья часть народонаселенія такой Имперіи составляетъ огромное число людей. Но нѣтъ ни малѣйшаго повода къ разумнѣю сего исчисленія не въ буквальномъ смыслѣ: хотя и вѣроятно то, что здѣсь люди исчисляются *круглымъ* числомъ, допускающимъ небольшія прибавленія или убавленія, подобно какъ выше исчисляются запечатлѣнные изъ каждаго колѣна Израилева (гл. 7). Впрочемъ и это великое наказаніе соединяется еще съ великою милостію къ Греко-Римскому языческому міру; ибо четырьмя губительнымъ духамъ не дозволяется совершеннаго всегубительства, и слѣдовательно разрушенія Римской Имперіи, подобно означеннымъ выше царствамъ прошедшихъ временъ. Тайна этой милости ниже вполне раскрывается, какъ именно милости *избранныхъ ради*, т. е. христіанъ.—Какъ имѣло совершиться опредѣленіе Божественнаго суда, да избіють третью часть чловѣковъ?—Объ этомъ изъ сказаннаго выше можно заключать только то одно, что духи губители, издревле имѣвшіе своимъ дѣломъ и направленіемъ опустошать и разорять царства чрезъ непріятельскія нашествія или внутреннія раздѣленія царствъ, и тому подобное, по разрѣшеніи своемъ будутъ слѣдовать тому же разрушительному направленію и производить дѣло такихъ же опустошеній,—сколько сіе требуется или допускается опредѣленіемъ *да избіють третію часть чловѣковъ*. Подъ избіеніемъ же должно разумѣть насильственную физическую смерть, а не духовную: ибо упорные язычники уже мертвы духомъ, и слѣдовательно не могутъ быть избіены въ духовномъ смыслѣ. Далѣе, съ раздѣльностію указаны и убійственные способы губителей (17 и 18 ст.).

И число воиновъ конныхъ двѣ тмы телъ. Это составляетъ 200 милліоновъ; ибо тма (греч. *μύριας*) содержитъ десять тысячъ. Въ какомъ смыслѣ разумѣть такое чрезвычайное множество *воиновъ конныхъ*? Во-первыхъ, изъ ниже изображенныхъ свойствъ коней у этихъ воиновъ, ясно видно, что нельзя разумѣть настоящаго видѣнія воинской конницы въ

строгаго-буквальномъ смыслѣ. Ибо, очевидно, не въ природѣ животныхъ то, чтобы у коней были головы какъ у львовъ. и притомъ извергающія изъ своихъ усть *огнь, дымъ и струю*, а хвосты были подобны змѣямъ съ вредоносными головами. Кроме того, видѣли мы, что убить третью часть человѣковъ предоставлено именно четыремъ разрѣшеннымъ Ангеламъ; а между тѣмъ ниже погибель третьей части человѣковъ приписывается язвамъ, исходящимъ изъ львообразныхъ усть коней воинскихъ. Отсюда основательно заключить, что, по крайней мѣрѣ, эти *кони* означаютъ собственно войско погибельныхъ духовъ, подвигнутыхъ противъ Имперіи чрезъ четырехъ Ангеловъ губителей, о преобладаніи которыхъ надъ прочими подобными духами мы уже выше дѣлали замѣчаніе: „о множествѣ же бѣсовствѣмъ.—скажемъ словами Андрея Кессарійскаго, не треба недоумѣваться, вси бо святіи глаголють, яко исполненъ есть ихъ воздухъ“ (Толков. на Апок. IX, 16).—Но, во-вторыхъ, при иносказательномъ смыслѣ *коней* не представляется настоятельнаго побужденія разумѣть самихъ воиновъ въ совершенно иносказательномъ смыслѣ. Напротивъ есть важныя причины остановиться на буквальномъ разумѣніи этихъ воинственныхъ всадниковъ. Если подъ конями съ извѣстными ихъ свойствами и дѣйствіями справедливо разумѣть собственно духовъ, подчиненныхъ четыремъ господствующимъ губителямъ Ангеламъ: то тогда подъ исходящими отъ нихъ *огнемъ, дымомъ и струей* окажутся самые способы и образы ихъ губительства, какими они проявятъ себя въ нашемъ видимомъ мірѣ. Что же послѣ сего остается разумѣть въ иносказательномъ смыслѣ подъ *воинами*? И зачѣмъ съ такою точностію опредѣлялось бы въ Апокалипсисѣ число только однихъ духовъ губительныхъ, когда при недовѣдомости и сокровенности для насъ духовнаго міра, все равно для насъ,—одни ли только четыре Ангела, или съ необъятнымъ множествомъ своихъ клеветовъ, будутъ главными дѣятелями умерщвленія третьей части людей?! Между тѣмъ Тайнозритель-Апостоль нарочито подтверждаетъ, что только таково число воиновъ,—какое онъ обозначилъ: *и слышашъ число ихъ*, говоритъ онъ по опредѣленіи числа конныхъ воиновъ. Наконецъ, самое дѣло государственныхъ разрушительныхъ потрясеній, свойственное губительнымъ Евфратскимъ ангеламъ, необходимо предпола-

гаеть воинственныхъ враговъ государства, будутъ-ли то внѣшніе непріятели или внутренніе измѣнники и мятежники. Итакъ, подъ *двумя тьмами темъ* или двумя стами милліоновъ воиновъ основательно разумѣть, дѣйствительно, точно такое множество воинственныхъ враговъ Имперіи, какъ отвиѣ имѣющихся вторгаться въ нее и опустошать ея области, такъ и внутри ея имѣвшихъ возникнуть и разрушать государство. Такъ какъ эти воинственные враги государства имѣютъ незримыми спосібниками и двигателями своими духовъ губительныхъ, то именно это и значить, что такіе войны носятся, по Акаллипсическому видѣнію, губительными духами, какъ всадники конями. Такъ какъ въ опустошительныхъ и разрушительныхъ для Имперіи дѣйствіяхъ не только какихъ-нибудь физическихъ причинъ, но и самыхъ воинственныхъ враговъ Имперіи—главными, хотя и сокровенными дѣятелями имѣли быть тѣ же губительные духи: то это съ точностію и выражено въ томъ, что кони, а не всадники ихъ владѣютъ и располагаютъ орудіями и способами губительства,—каковы *огонь, дымъ и стѣра*, исходящіе изъ усть коней, и *змѣиныя головы* на ихъ хвостахъ. Такъ какъ, тѣмъ не менѣе, свойственны воинственнымъ врагамъ государства направленіе и видъ истребителей, убійцъ, опустошителей: то и это выразительно обозначено тѣмъ, что воинственные всадники, носимые губительными духами, имѣли на себѣ латы огненные, гіацинтовые, или красно-темнаго цвѣта. Но нужно еще опредѣлить значеніе такихъ частныхъ символическихъ предметовъ видѣнія.

Броня или латы огненные, вакинновы и жупельны (сѣрныя); воинамъ латы свойственны и въ буквальномъ смыслѣ: но безъ сомнѣнія не просто о воинскомъ нарядѣ открыто было Тайнозрителю. Притомъ далѣе *огнь* и *жупель*, которымъ латы соответственны, по цвѣту, суть очевидно символы (въ томъ же ст. 17 и слѣд.).

Итакъ въ латахъ и цвѣтѣ этихъ латъ справедливо примѣчается иносказаніе о направленіи воинственныхъ враговъ Римской Имперіи и внѣшнемъ видѣ ихъ дѣятельности. *Огненные латы* по стремительной и истребительной силѣ огня указываютъ на неукротимую свирѣпость этихъ враговъ. *Гіацинтовыея*, по красно-темному или кровавому цвѣту своему, указываютъ на кровожадность и кровопролитія. *Жу-*

нелыныя, или сѣрнаго цвѣта латы, по горючести и грубому виду сѣры, знаменуютъ дикость и всегдашнюю готовность къ опустошеніямъ. Итакъ отличительныя черты видимыхъ враговъ Имперіи, дѣйствительно, показываютъ въ нихъ свирѣпыхъ разрушителей, убійцъ и опустошителей.

Главы конемъ яко главы львомъ. Самый началовождь губительныхъ духовъ уподобляется въ Св. Писаніи льву по алчности своей къ погубленію людей: *супостатъ вашъ дѣволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8). Посему и низшимъ злымъ духамъ, по свойственной имъ алчности къ губительству, приличны львообразныя головы въ знаменованіе ихъ алчности къ челоуѣкоубійству.

Изъ устъ ихъ исхождаше огонь и дымъ и жупель. Такъ какъ отъ сихъ трехъ видовъ вещества должна послѣдовать физическая смерть третьей части народонаселенія Имперіи; то въ настоящемъ случаѣ нельзя давать этимъ предметамъ духовно-нравственнаго значенія. Надобно отыскать въ нихъ смыслъ причинъ насильственной физической смерти челоуѣковъ. *Огонь*—символь опустошительной войны, какъ въ предыдущей главѣ (VIII, 7). *Жупель*, или сѣра, извергается здѣсь вмѣстѣ съ огнемъ; слѣдовательно, эта сѣра подобна извергаемой изъ огнедышущихъ горъ огненной лавѣ, опустошающей самыя прекрасныя и плодоносныя мѣста, или подобно тому жупелу, который, вмѣстѣ съ огнемъ ниспавъ на десятиградіе Иорданской страны, обратилъ грады и окрестныя ихъ мѣста, прекрасныя и плодородныя *яко рай Божій* (Быт. XIII, 10), въ Мертвое море, окруженное мертвыми же или совершенно безплодными окрестностями. Посему *жупель* или сѣра есть знаменіе совершеннаго опустошенія природы, хотя бы она изобиловала всѣми богатствами растительнаго и животнаго царства, съ чѣмъ неразлученъ этотъ губитель физической жизни челоуѣческой—голодь. Наконецъ *дымъ*, распространяющійся въ воздухъ и дѣлающій его губительнымъ для здоровья, есть посему символъ губительной язвы, заражающей воздухъ и чрезъ оный обыкновенно распространяющейся. Такъ какъ дымъ происходитъ и отъ огня, и отъ горящей сѣры; то видно, что заразительныя болѣзни будутъ порождаться обстоятельствами и голода, и войны. Итакъ, сколько губительнымъ духовнымъ силамъ, которыя споспѣшествуютъ и служатъ въ губительствѣ людямъ того же духа

и направленія, попускается воспламенять войны, производить и разносить заразительныя язвы, губить людей мертвымъ безплодіемъ странъ и происходящимъ отъ сего голодомъ: все это и значить, что оныя мысленныя кони, дышущіе губительствомъ, извергають изъ своихъ львообразныхъ усть огонь, дымъ и сѣру, — какъ то видѣлъ святой Апостоль Тайнозритель.

Отсюда и объясняется окончательно, какимъ образомъ должна быть избіена третія часть человѣковъ! *И отъ трехъ язвъ сихъ, сказано, погибе третія часть человѣковъ: отъ огня, и отъ дыма, и отъ жупела, исходящихъ изъ усть ихъ.* Слѣдовательно войны, морь, голодь—суть тѣ способы губительства, которыми губительныя духи, подъ предводительствомъ четырехъ разрѣшенныхъ на Евфратъ вождей губительства, имѣли избить въ Имперіи языческой третію часть человѣковъ. Присемъ еще замѣтимъ слѣдующее: такъ какъ назначеніе разрѣшенныхъ Ангеловъ-истребителей состоитъ (какъ сказано выше въ 15 ст.) въ томъ—*да избіютъ третію часть человѣковъ* въ опредѣленные на то четыре срока, то ясно, что съ совершеніемъ погибели третьей части человѣковъ, здѣсь означеннымъ, должны исполниться и губительство Ангеловъ-истребителей и всѣ четыре его срока, такъ что они никакъ не должны простираться далѣе, хотя *второе горе*, открывшееся этимъ губительствомъ, имѣеть продолжаться для нераскаяннаго язычества еще много далѣе (именно до трубы седьмого Ангела XI, 14—15). Это важно особенно для историческаго опредѣленія изъ событій означенныхъ выше Апокалипсическихъ четырехъ сроковъ—*часа, и дня, и мѣсяца, и года.*

Область бо коней во устьехъ ихъ бы и во ошпбахъ ихъ. Усти самая передняя часть коней, *ошпбы* или *хвосты*—задняя: разрѣшая такой образъ по отношенію къ губительнымъ дѣйствіямъ челоуѣкоубійственныхъ духовъ, подъ устами коней надобно разумѣть самое открытіе губительными духами губительныхъ бѣдствій, а подъ образомъ хвостовъ этихъ коней—пагубныя послѣдствія оныхъ бѣдствій (какъ значеніе ошпбовъ опредѣлено и событіями оправдано въ изьясненіи ст. 16. этой же главы). И въ самомъ дѣлѣ войны, морь и голодь, столь губительныя для челоуѣковъ сами по себѣ, необходимо оставляють по себѣ и послѣдствія, пагубныя для людей: огнемъ войны разоренныя страны, запусьтые отъ

голода и мора селенія и грады открываютъ свободный путь для новыхъ непріятелей или заселяются враждебными государствамъ народами, — не ограждаются на долгое время твердымъ порядкомъ, и так. обр. дается мѣсто разбоямъ, мятежамъ и проч. Посему бѣдствія, производимыя духами войны, мора и глада, чрезъ послѣдствія этихъ опустошеній, — составляютъ новый особый родъ губительства. Выразить то же Апокалипсическимъ образомъ: *И ошлби ихъ*, т. е., хвосты оныхъ коней губителей, *подобни змѣнъ, имуще главы, и тѣмъ пакости дѣюще*. Вредоносные хвосты съ собственными головами выразительно указываютъ на то, что этимъ означается особый родъ бѣдствій.

Совокупимъ же теперь всѣ частныя черты видѣнія, раскрытыя нами въ своемъ значеніи, въ одну общую картину губительства, ими изображаемаго. Когда шестой изъ небесныхъ служителей суда Божія надъ язычествомъ имѣеть изыти на чреду служебныхъ своихъ дѣйствій въ языческой Имперіи, то на вопли безпощадно озлобляемой Церкви Божественное къ ней благоволеніе будетъ отвѣтствовать грознымъ приговоромъ кровожадной Имперіи. Чрезъ этого безплотнаго Служителя суда Божія надъ врагами Церкви, разрѣшатся четыре духа губителя, отъ которыхъ нѣкогда распались четыре преобладавшія надъ Церковью царства и которые послѣ были связаны на главномъ поприщѣ своихъ разрушительныхъ дѣйствій — около великой рѣки Евфрата. Теперь имъ будетъ попущено направить свое губительство и противъ Римской Имперіи, наслѣдовавшей всемірное значеніе послѣ Вавилонской, Персидской и Греко-Македонской Имперій и свирѣлость противъ Церкви Сиро-Египетскаго владычества; а это — тѣ самыя царства, которыя погибли отъ оныхъ четырехъ Ангеловъ-губителей. И вотъ, по дѣйствію этихъ грозныхъ вождей пагубы, Римская Имперія должна будетъ испытать враждебность двухъ сотъ милліоновъ вооруженныхъ и грозныхъ непріятелей. Такое несмѣтное множество видимыхъ враговъ Имперіи будетъ имѣть своими споспѣшниками и служителями въ дѣлѣ губительства такое же множество духовъ губительныхъ, которые будутъ носить ихъ противъ Имперіи и по самой Имперіи, подобно конямъ, раздувая всюду пламень войны, разсѣывая заразительный дымъ мора, изрыгая на землю мерт-

вящій природу жупель безплодія и глада, наконецъ вреди государству особыми бѣдствіями—послѣдствіями этихъ опустошеній. Отъ всего этого должна погибнуть третія часть народонаселенія почти всемірной Римской Имперіи. Но этимъ и должно ограничиться губительство, производимое въ Имперіи собственно духовными губительными силами, подъ начальственнымъ распоряженіемъ четырехъ Ангеловъ, которые дотолѣ пребываютъ связанными около Евфрата и именно отсюда двинутся на предоставленное имъ губительство. Притомъ самое это губительство не вдругъ раскроется во всемъ своемъ разгарѣ. Но духовные губители, подобно львамъ—алчные къ поглощенію челоувѣковъ, такъ ограничиваются, что губительство раздѣляется на четыре срока: начатки пагубы должны быть скоропреходящи, слѣдующія за тѣмъ проявленія этой пагубы будутъ усиленіе и продолжительность, и только наконецъ губительство раскроется во всей силѣ и полнотѣ—чѣмъ оно и закончится.

Раскроемъ теперь Исторію и прочитаемъ въ ней о бѣдствіяхъ Имперіи, слѣдовавшихъ за томительнымъ расслабленіемъ государства отъ военнаго деспотизма, который отселѣ или получаетъ новое направленіе или подавляется. Вотъ какъ Исторія характеризуетъ періодъ сихъ бѣдствій: „Насталъ порядокъ вещей, грозившій государству совершеннымъ паденіемъ. Провинціи были наводнены Германцами, между тѣмъ какъ похитители верховной власти терзали государство распрями. Германскій міръ, дотолѣ раздѣленный на множество мелкихъ племенъ и поколѣній, въ третьемъ столѣтіи вдругъ принимаетъ другой видъ... образуются подъ новыми именами большія массы, и замѣтно рѣшительное раздѣленіе Германцевъ на двѣ части (Франковъ и Аллемановъ), произведенное нашествіемъ новыхъ варварскихъ народовъ (Саксовъ и Готтовъ). Германцы соединились сначала для обороны отъ чуждаго ига; а потомъ, когда это удалось,—къ общему нападенію на Римскія владѣнія. Если къ симъ народамъ, которые вдругъ приняли столь грозный видъ, прибавить также политически (еще прежде) возрожденную Персидскую націю и уже предварившую Франковъ и Аллемановъ вторженіемъ въ области Имперіи, какъ ниже обозначится: то увидимъ, что *отъ Евфрата до устьевъ Рейна воинственные народы въ видѣ большой дуги обложили Римскую Имперію, какъ бы по давному знаку обнаживъ мечи, вдругъ*

устремилась на все. И въ то самое время, когда Персы побѣдоносно перешли восточные, а Германцы западные предѣлы государства, внутри появилось столько императоровъ (самозванцевъ, возставшихъ противъ Галліена, законнаго государя), сколько было армій: это были такъ называемые тридцать тиранновъ“ (Лоренц. стр. 95—96).—Несмѣтное число воинственныхъ варварскихъ народовъ, растянувшихся на протяженіи всей почти Европы и далеко въ Азіи, и кромѣ того совокупность всѣхъ почти армій Римскихъ, сдѣлавшихся мятежно-враждебными противъ Имперіи, не вполне ли составлять тѣ двѣ тмы темъ воиновъ, которыхъ видѣлъ и число ихъ слышалъ Тайнозритель Апостоль?... „Чтобы представить вполне картину бѣдствій Галліенова времени (т. е. времени *тридцати тиранновъ*),—говоритъ тотъ же историкъ (стр. 103),—должно прибавить къ анархіи, раздиравшей Имперію, продолжительный голодъ, распространившійся по большей части областей; а какъ голодъ рѣдко проходитъ безъ заразы, то къ довершенію несчастій настала моровая язва, опустошившая провинціи, пощаженныя непріятелемъ. Пятнадцать лѣтъ свирѣпствовала она. Въ продолженіе нѣкотораго времени, въ Римѣ умирало ежедневно по 5000 человекъ; въ Александріи вымерла половина народонаселенія. Если изъ сихъ четырехъ примѣровъ судить объ общемъ, то можно, согласно съ Гиббономъ, принять, что въ тѣ немногіе годы война, голодъ и моръ истребили цѣлую половину человѣческаго рода“. Изъ сего числа, присовокупимъ къ сему мы съ своей стороны,—надобно исключить всѣхъ христіанъ, умершихъ насильственной смертію отъ войны, мора и голода; ибо и ихъ касались общественныя бѣдствія, какъ прямо засвидѣтельствовало современный имъ св. Діонисій Александрійскій ¹⁾. Нельзя же съ несчастными жертвами губительныхъ демоновъ, каковы. по видѣнію Тайнозрителя, были

¹⁾ Вотъ его слова (приводимыя Евсевіемъ въ Истор. Церков. кн. 7, гл. 22, стр. 430): „наступила война и голодъ: это мы переносили вмѣстѣ съ язычниками, такъ что бѣдствія, происходившія отъ ихъ притѣсненій, падали на насъ однихъ, а тѣ, которыми они поражали другъ друга и отъ которыхъ страдали—становились вмѣстѣ и нашимъ удѣломъ... Вдругъ появилась эта язва,—событіе, ужаснѣйшее всякаго ужаса и бѣдственнѣйшее всякаго бѣдствія... Не миновала и насъ; но она больше свирѣпствовала между язычниками.

избиваемые язычники, смѣшивать или соединять умирающихъ о Господѣ, хотя бы отъ голода, войны или моровой язвы ¹⁾; ибо по словамъ Апокалипсиса, *блаженни умирающіи о Господѣ; ей, слаголетъ Духъ: да почиють отъ трудовъ своихъ* (XIV. 13). Надобно притомъ помнить, что соображеніе Гиббона принадлежитъ къ ряду соображеній человѣческихъ, которымъ и преувеличенія, и недогляды такъ свойственны. По крайней мѣрѣ оно служитъ свидѣтельствомъ того, что язычниковъ, погибшихъ въ Римской Имперіи отъ войнъ, голода и мора (разумѣя и принадлежащихъ къ ея составу и вторгшихся въ нее). — никакъ не менѣе *третьей части чело-вѣковъ*.

Но такое безпримѣрное губительство до послѣдняго, столь страшнаго своего разгара дошло постепенно, такъ что четыре срока, назначенные въ Апокалипсисѣ, ясно обозначаются и въ событіяхъ. Движеніе воинственныхъ варваровъ противъ Имперіи и измѣна Римскихъ войскъ начались еще при Гордіанѣ, правленіе котораго послѣдовало за чрезвычайными политическими безпорядками, порожденными владычествомъ солдатъ (какъ выше при изъясненіи смѣны одного горя другимъ уже было указано). Пользуясь этими самыми безпорядками, происшедшими въ Имперіи, Сапуръ, Персидскій царь, вторгнулся въ Месопотамію, и такъ какъ

¹⁾ „Многіе заботяся о больныхъ и подкрѣпляя другихъ, говорятъ тотъ же святитель собственно объ Александрійцахъ, — пересадили ихъ смерть въ себя и скончались сами... Такимъ то именно образомъ оставили жизнь лучше изъ нашихъ братьевъ: нѣкоторые пресвитеры и діаконы, и многіе весьма похвальные изъ народа; а сей родъ смерти, будучи дѣломъ великаго благочестія и твердой вѣры, кажется, ничѣмъ не ниже мученичества. Они принимали тѣла святыхъ на распростертыя руки и перси, закрывали имъ глаза, закрывали уста, носли ихъ на своихъ плечахъ и потомъ полагали, прижимали съ себѣ и обвиняли, украшали ихъ омываньями и одеждами, а вскорѣ и сами сподоблялись того же. Потому что оставшіеся въ живыхъ всегда слѣдовали по стопамъ своихъ предшественниковъ. Совершенно напротивъ поступали язычники: они прогоняли начавшихъ хворать, убѣгали отъ самыхъ любезныхъ, выбрасывали на улицу полумертвыхъ, оставляли безъ погребенія мертвыхъ и такъ обр. старались избавиться сямъ отъ передаваемой и сообщающейся смерти, которую, однакоже, при всѣхъ ихъ усиліяхъ, нелегко имъ было отклонить отъ себя“ (Тамъ же Евсев. 431 и 432 стр.). Эти двѣ картины ясно представляютъ двѣ взаимныя несовѣстныя области — область Ангеловъ свѣтлыхъ и другую область губителей демоновъ.

часть Римскаго войска перешла на его сторону, то онъ такъ далеко проникъ въ Сирію, что угрожалъ самой Антиохіи и такимъ образомъ охватывалъ почти весь востокъ Имперіи. Но это враждебное нашествіе варваровъ, открывшееся именно при великой рѣкѣ Евфратѣ, продолжалось, если сказать языкомъ Апокалипсиса, не болѣе *часа*: какъ скоро Гордіанъ явился, Персы отступили и вывели гарнизоны изъ занятыхъ ими городовъ ¹⁾, такъ что Апокалипсическій *часъ* измѣряется не болѣе, какъ мѣсяцами историческаго времени.

Черезъ четыре или пять лѣтъ Императоръ Децій, тотчасъ же по своемъ воцареніи, долженъ былъ идти противъ Готтовъ, которые, (говоримъ словами Лоренца) въ несмѣтномъ числѣ перешли Дунай и осадили одинъ изъ городовъ Имперіи (Никополь). Приближеніе Деція послужило для варваровъ поводомъ обратиться къ другому важнѣйшему городу—Филиппополу. Децій послѣдшилъ къ нему на помощь, но Готты, нечаянно напавъ, разбили его и овладѣли Филиппополемъ. Сотни тысячъ погибли въ несчастномъ городѣ подъ мечами дикихъ побѣдителей. Варвары, взявъ въ плѣнь брата предшествующаго Императора, принудили сего измѣнника объявить себя Императоромъ, и продолжали войну, какъ будто за права послѣдняго. Кровопролитная война шла съ перемѣннымъ счастіемъ: но, наконецъ, Императоръ Децій, который безпощаднымъ гоненіемъ христіанъ мечталъ умиротворить къ Риму мнимыхъ боговъ, погибъ въ сраженіи вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ своимъ и Римская армія отступила въ безпорядкѣ. На сей разъ губительство было продолжительнѣе и жесточе, нежели въ первый разъ: однако же и настоящій срокъ его былъ не слишкомъ продолжителенъ ²⁾. Сравнительно съ предыдущимъ *часовымъ* срокомъ текущаго

¹⁾ Сія то кратковременность варварскаго нашествія послужила поводомъ для Лоренца отнести оное еще ко времени военнаго деспотизма, а не къ періоду варварскихъ опустошеній, который онъ начинаетъ нѣсколькими годами позже (смотри стр. 94 и 95 Истор.).

²⁾ Все царствованіе Деція продолжалось около двухъ лѣтъ съ 249—251 г. по Р. Хр. Исключая изъ этого времени первое небезудачное наступательное движеніе Деція противъ варваровъ и склоненіе ниогда, и затѣмъ, военнаго счастья на его сторону, получимъ около только года губительства для этого гонителя и его войска и народа.

горя, разсматриваемый нами срокъ онаго есть не менѣе,— но и не болѣе, какъ срокъ *дневной* (по Апокалипсическому выраженію), опредѣляемый продолженіемъ историческаго времени уже около года.

Преемникъ Деціевъ Галль золотомъ купилъ удаленіе варваровъ изъ Имперіи, но — какъ говорить о немъ св. Діонисій Александрійскій ¹⁾— „не понялъ Декіева зла, не замѣтилъ, что было причиною его паденія, и споткнулся о тотъ же самый камень, который лежалъ предъ его глазами“. Онъ продолжалъ гоненіе христіанъ, и карательное для язычниковъ губительство продолжалось. Галль вскорѣ погибъ отъ противопоставленнаго ему войсками новаго Императора, болѣе мужественнаго противу варваровъ; но и сей послѣдній (Эмилианъ) чрезъ четыре мѣсяца своего правленія, погибъ такъ же отъ совмѣстника. Это былъ Валеріанъ, жестокой гонитель христіанъ: и при немъ враги со всѣхъ сторонъ устремились на Имперію. Франки прошли чрезъ всю Галлію и Испанію и распространили свои опустошительныя набѣги даже до противоположныхъ береговъ Африки. Аллеманы чрезъ Швейцарію и Альпы вторглись въ самую Италію и угрожали Риму. Еще отважнѣе были морскіе походы Готтовъ. Овладевъ Крымомъ, они сперва опустошили берегъ Понта Евксинскаго: потомъ чрезъ Босфоръ и Геллеспонтъ проникли въ Архипелагъ; здѣсь богатые острова и также берега Греціи и Малой Азіи были жертвами ихъ хищничества и страсти къ разрушенію. Въ то же время вторгнулся въ Римскія владѣнія Персидскій царь. Императоръ Валеріанъ хотѣлъ было сдѣлать отпоръ Персамъ, но въ сраженіи съ ними самъ былъ разбитъ, и захваченъ. Подлинно это было такое бѣдственное время, когда, по выраженію Орозія (*Hist. Oros. Lib. VII. cap. 22*), кровь Римлянъ всюду проливалась: оно продолжалось, со включеніемъ упомянутыхъ выше междоусобій, до осьми и болѣе лѣтъ ²⁾, круглымъ числомъ около десятилѣтія, это третій, болѣе прежнихъ продолжительный и тяжкій срокъ текущаго горя:—этотъ Апокалипсическій мѣсяць обнимаетъ уже около десятилѣтія историческаго.

¹⁾ Евсев. Истор. Церк. стр. 398 кн. 7 гл. 1.

²⁾ Галль воцарился въ 251 г. Валеріаново правленіе продолжалось съ 253 по 260-й годъ.

Но полный разгаръ губительства открылся при единоподержавіи сына Валеріанова (бывшаго дотолѣ сопрavitелемъ), Галліена. Онъ довольствовался только обороною Италіи, въ чемъ и имѣлъ успѣхъ, безъ сомнѣнія, въ награду за дарованіе мира христіанской Церкви. Что же касается до другихъ областей Имперіи, самъ Галліенъ мало беспокоился о нихъ. И такимъ образомъ въ его правленіе, кромѣ вторженія враждебныхъ варваровъ со всѣхъ сторонъ Имперіи,—явилось до тридцати самозванныхъ Императоровъ или такъ называемыхъ *Тиранновъ*. Похитители верховной власти вели войны между собою и противъ законнаго государя, и—то прогоняли варваровъ—то призывали ихъ къ себѣ на помощь. Среди сихъ неурядицъ, говоритъ Исторія, Римскій и варварскій міръ пришли въ такое волненіе, что трудно было предвидѣть, когда и въ какомъ видѣ государство выйдетъ изъ сего хаоса. Чтобы представить вполнѣ картину бѣдствій Галліенова времени,—(повторимъ уже прежде упомянутое) должно прибавить къ анархіи, раздиравшей Имперію, продолжительный голодъ, распространившій по большей части областей пятнадцатилѣтнюю моровую язву, опустошившую провинціи, пощаженные неприятелемъ ¹⁾. Язва, открывшаяся еще въ прежнія правленія, усиливалась отъ междоусобныхъ кровопролитій въ Имперіи. Современникъ симъ бѣдствіямъ святой Діонисій такъ изображаетъ губительство язвы, соединенной съ кровопролитіями междоусобія; „Гавани (въ Александріи) отъ совершенныхъ въ нихъ убійствъ, часто походили на Черное (Красное) море... вода (рѣки текущей черезъ городъ) всегда казалась оскверненною кровію, убійствомъ и утопленными... Да и воздухъ бываетъ ли когда чистъ, заражаясь отовсюду зловредными испареніями? Изъ земли поднимаются такіе пары, съ моря такіе вѣтры, съ рѣки такой воздухъ, съ гавани такіе туманы, что росы суть сукровица мертвыхъ тѣлъ, гніющихъ составными своими началами. Послѣ сего удивляются еще и недоумѣваютъ, отъ чего эти непрестанныя язвы, отъ чего эти жестокія болѣзни, откуда эта всякаго рода гибель, откуда частая и многообразная смертность?!..“ Замѣчательно, что св. Отецъ, описывая такое губительство собственно Александріи, представляетъ оное въ об-

¹⁾ Все это изложено словами Доревца. См. стр. 102—103.

разецъ и повсюднаго въ языческомъ мірѣ губительства. „Видя, говоритъ онъ о язычникахъ въ заключеніе своего описанія бѣдствій,—видя, что человѣчскій родъ постоянно уменьшается и слабѣетъ, что его истребленіе увеличивается и преуспѣваетъ, они не трепещутъ“¹⁾ Послѣ Галліена бѣдствія Имперіи стали, правда, уменьшаться въ томъ отношеніи, что похитители верховной власти истреблялись и Императоры довольно успѣшно стали отражать внѣшняго непріятеля (таковы Императоры Клавдій, Авреліанъ, Пробъ). Тѣмъ не менѣе непрерывно шла война съ тѣми или другими изъ варваровъ; и губительство языческаго міра продолжалось то отъ кровопролитій войны, то отъ заразительныхъ болѣзней и голода, то отъ междоусобій.—Такъ преемнику Галліену Клавдію помогали истреблять Готѣвъ голодъ и болѣзни, но послѣднія сообщились и Римскому лагерю, и жертвою ихъ былъ самъ Императоръ Клавдій. Преемникъ Клавдія Авреліанъ былъ счастливъ въ отношеніи къ Готѣамъ; но въ то же время Аллеманы вторглись въ Италію, одержали побѣду надъ Авреліаномъ и устремились къ Риму, хотя послѣ и сами были поражены Авреліаномъ. Притомъ этотъ самый Императоръ отличался безпощадною жестокостію въ отношеніи къ покореннымъ мятежникамъ. Такъ, когда Пальмирцы, побѣжденные Авреліаномъ, возмутились снова, то Императоръ, взявъ городъ приступомъ, предалъ его такой ярости солдатъ, что всѣ жители города, безъ различія пола и возраста, были побиты и весь знаменитый городъ безвозвратно обращенъ былъ въ развалины. Императоръ Пробъ, продолжая военныя дѣйствія и попытки противъ варваровъ, видѣлъ однако, что Римъ потерялъ уже силу къ завоеваніямъ и долженъ былъ только защищаться. Онъ принималъ цѣлыя толпы варваровъ²⁾ въ Римское войско, населялъ ими опустѣлыя провинціи. Но, любя свободу и праздность, они часто возмущались; и Пробъ— вмѣсто обезпеченія будущности государства, прибавилъ къ нему (говоримъ словами Истор. Лоренца) еще новый безпокойный и опасный элементъ. Такъ исполнилось видѣніе, что губительные Апокалипсическіе кони вредили и самими хвостами своими. Губительство со стороны варваровъ или похитителей власти продолжались и при Діоклитіанѣ, не-

¹⁾ Евсев. кн. 7 гл. 21.

²⁾ Именно Германцевъ.

смотря на то, что преобразованное имъ государство воображало себя снова безопаснымъ и могущественнымъ. Ибо похитители верховной власти во время Діоклитіана, не говоря о со-вмѣстникѣ его еще въ началѣ его правленія (Каринѣ), — появлялись въ Британіи, въ Египтѣ и еще одинъ въ Африкѣ. При немъ же въ дѣлѣ съ Персами Римская армія сначала потерпѣла жестокое пораженіе и только послѣ новыхъ кровопролитій Персы уступили Діоклитіану. Затѣмъ открылось междоусобіе и между законными правителями Имперіи. Подъ конецъ сего губительства надъ язычниками—опять голодъ и моровая язва соединились съ войною. Евсевій въ своей Исторіи такъ говоритъ о сихъ бѣдствіяхъ: „Неожиданно явился голодъ, а за голодомъ язва; къ тому же случилась и другая болѣзнь, такъ называемый нарывъ, отъ воспалительнаго свойства получившій имя огненнаго вереда... Къ этому Тираннъ (Императоръ Максиминъ) присоединилъ еще войну противъ Армянъ... Все это стеклось къ одному и тому же времени и посрамило богопротивную кичливость самонадѣяннаго тирана, который хвастался говоря, что за служеніе его идоламъ и за гоненіе на насъ, въ его время не будетъ ни голода, ни язвы, ни войны... Самъ онъ вмѣстѣ съ войсками потерпѣлъ неудачи въ войнѣ противъ Армянъ, а прочіе жители подвластныхъ ему городовъ поражены были голодомъ и язвою. Безчисленное множество народа умерло въ городахъ, а еще болѣе того въ селахъ и деревняхъ, такъ что списки податныхъ людей, до того времени наполненные многочисленными именами землевладѣльцевъ, теперь состояли едва не изъ однихъ помарокъ; потому что всѣ почти жители истреблены голодомъ и заразою... Вездѣ, говоритъ далѣе Евсевій, какъ самовидецъ сего губительства, — вездѣ слышны были стenanія—на улицахъ, на рынкахъ и площадяхъ нечего было видѣть, кромѣ погребальныхъ ходовъ... Итакъ воюя двоякимъ упомянутымъ оружіемъ, т. е. голодомъ и язвою, смерть въ короткое время истребляла цѣлыя семейства... Такова была награда за высокомеріе Максимиана и за опредѣленія, дѣланная противъ насъ городами“ (Евсев. кн. 9, гл. 8).—Такимъ образомъ губительство продолжалось до единодержавія Константина Великаго: отъ Галліенова царствованія до Константина болѣе пятидесяти лѣтъ (съ 260—312 г. по Р. Хр.), а отъ самаго начала разрѣшенія этихъ ангеловъ губителей при Гордіанѣ